

Александр Чернов

Цифровая бомба

Глава 1. Дамочка

Она заглянула в спортивный зал, когда я проводил тренировку с младшей группой борцов. Подумал, что пришла обычная мамочка записать свое чадо в секцию вольной борьбы, а потому сделал ей знак подождать немного и продолжил тренировку. Впрочем, если бы она пришла по другой причине, я бы не прекратил занятия, чтобы выйти к ней, потому что оставить маленьких архаровцев восьми-девяти лет без надзора нельзя. Хотя я стараюсь поддерживать на тренировках железную дисциплину, мальчишки запросто могут что-нибудь учудить. Скажем, балуясь, нанести друг другу травмы — несмотря на то что половина приличных размеров зала застелена борцовским ковром, а стены обиты матами, на другой половине зала полно гимнастических снарядов, покачаться на которых ребята уж очень охочи, а без тренера этим делом заниматься никак нельзя.

Полчаса спустя я построил двадцать два борца — весь присутствующий на тренировке состав спортсменов — в одну шеренгу, подвел итог занятия, попрощался с ними и с богом отпустил

домой. И только после того, как мальчишки гуськом покинули зал — гурьбой их отпускать тоже нельзя, потому что толпой могут и дверь вышибить — вышел из зала сам. В узком длинном коридоре, где кроме дверей в спортзал располагались еще двери в раздевалки, в душевые и в кабинет завуча нашей ДЮСШ (Детской юношеской спортивной школы), было уже пустынно — мальчишки гомонили, переодеваясь в раздевалке, — стояла лишь она, та самая женщина, заглянувшая в спортзал во время проводимой мной тренировки.

— Идемте со мной, — предложил я, широко улыбаясь. Я хоть и не офисный служащий, работающий с клиентами, но быть приветливым, радушным, предупредительным к родителям наших воспитанников ДЮСШа обязан. Существоем мы за счет детей — чем больше их в группе, в секции, в конечном итоге в спортшколе, тем выше у нас зарплата. Ну, не выше, это я загнул, конечно, а скажем так, сохраняется на определенном уровне, ибо если у нас случится отток детей из ДЮСШа, то зарплата упадет либо количество тренеров сократится. Так что как ни крути, а в категорию низко оплачиваемых либо уволенных в этом случае запросто попадешь. Вот и приходится проявлять максимум внимания и подключать все свое обаяние по отношению к родителям, желающим записать в секцию борьбы своих деток.

Но улыбался я не только по вышеуказанной мною причине, имелась еще одна: дамочка была хороша. А говорить с хорошенькими женщинами намного приятнее, чем с дурнушками, и рот сам собой растягивается от уха до уха в немного глуповатой и чарующей улыбке — уж очень понравиться женщине хочется.

Дамочке было лет тридцать. Не могу сказать, что писаная красавица, но изюминка в ней была. В молодой женщине, очевидно, имелась примесь восточной крови, это сочетание славянских и восточных черт приковывало и завораживало взгляд. Несколько удлиненное, с мягкой, нежной линией подбородка лицо, чуть полноватые — уж не знаю, не разбираюсь в этом — то ли от природы, то ли накачанные ботоксом губы, чуть раскосые темные глаза, с мягким насмешливым взглядом, немного широковатый, чем следовало бы, в переносице нос, шелковистые брови. Возможно, все эти «несколько удлиненное», «чуть полноватые», «чуть раскосые», «немного широковатый» и сглаживали восточный тип лица или, наоборот, смягчали славянский, но именно эта особенность придавала лицу особый шарм и привлекательность. А еще волосы... темные, длинные, густые, шелковистые, тяжелые, они были завязаны на затылке женщины вроде бы в незатейливый клубок, но смотрелись классно — как-то необычно,

величаво и в то же время мило и по-домашнему. Фигура у нее тоже... Впрочем, чего это меня вдруг понесло, с какой стати я ее так разглядываю? Я что, себе подружку на вечер в баре выбираю или по долгу службы с родительницей собираюсь побеседовать?... Ладно, в описании достоинств фигуры дальше не пойду, ограничусь лишь словами: фигура у нее была превосходной, и на ней отлично сидело короткое серенькое платье, тоже, кстати, на вид незатейливое, но наверняка, судя по элегантному покрою и качеству материала, стоящее немалых денег.

Я погасил дурацкую улыбку и пошел по коридору, едва успев увернуться от двух выскочивших из раздевалки пацанов, которые чуть не врезались в меня.

— Извините, Игорь Степанович! — с притворным смирением проговорил хулиганистый кучерявый Гриша Проценко, всем своим обликом смахивающий на Гверески — мальчишку-сорванца из сценки с Геннадием Хазановым «Сорок чертей и одна зеленая муха» из «Ералаша».

Его приятель Сашка Боцев, мальчишка с ангельской внешностью, но далеко не ангелочек в поведении, невинно захлопал ресницами, ожидая, что я сейчас скажу им пару «ласковых» слов... Но я промолчал — не будешь же перед родительницей разнос устраивать, чего доброго еще подумает, что

у нас здесь казарма, и не приведет свое чадо в мою группу, и тогда я буду меньше денег получать.

Я открыл дверь кабинета завуча и жестом предложил дамочке войти внутрь. В не так давно отремонтированном кабинете с новой офисной мебелью было пусто. Завуч — Колесников Иван Сергеевич, ушел на совещание к директору спорткомплекса «Трактор», на базе которого и располагалась наша ДЮСШ, о чем я прекрасно знал, потому и пригласил дамочку для приватной беседы не в спортзал, а в уютный кабинет моего непосредственного шефа. В общем-то кабинет был не личный — завуча. Я и несколько тренеров, занимающихся в нашем спортзале, были вхожи сюда и здесь иной раз отдыхали, пили кофе и хранили свои личные вещи — Колесников не возражал. Однако в кресло Ивана Сергеевича я не сел — место начальника для любого подчиненного неприкосновенно (вдруг увидит и не то подумает), а устроился напротив дамы за приставным столом для заседаний.

— Значит, решили поддержать бойцов-вольников, повысив их количественный состав? — спросил я, сдвигая в сторону на столе кипу всевозможной документации, которой нас в последнее время вышестоящая инстанция, мягко говоря, заколебала.

Женщина смотрела на меня непонимающе, и я

пояснил:

— Борьба нынче не в чести в мировом сообществе, ее вон даже из Олимпийских игр собираются выбросить, а вы вот вдруг решили... — я замолчал, потому что женщина так и не понимала, о чем идет речь, о чем свидетельствовала ее вежливая улыбка. — Ну, да ладно, — стусевался я, выживая из кипы бумаг и кладя перед собой анкету, которую мы обычно заполняем при приеме детей в спортивную секцию. Взял ручку и склонился над столом. — Фамилия, имя отчество...

— У вас все так серьезно? — удивленно промолвила дамочка. Голос у нее оказался нежным, бархатистым, трогательным. — Вы всегда заполняете анкеты на частных лиц?

Пришел мой черед удивиться:

— Разумеется! — Я поднял голову от стола. — У нас серьезная организация.

— Вот как? — дамочка отчего-то смутилась. — А мне сказали, что вы ведете дела приватно и держите их в секрете.

— Да чего уж тут секретного? — усмехнулся я, представив, что провожу занятия с детьми втайне за закрытыми дверями и занавешенными портьерами окнами. — У нас же не секта какая-то, а секция... Фамилия, имя, отчество, — снова повторил я.

На этот раз дамочка не стала ходить вокруг да

около, с ходу назвала:

— Аверьянова Екатерина Арэтовна.

Угадал: судя по отчеству, папочка у нее — человек восточный. Однако ж бестолковая дочка получилась у этого самого Арэта (и что же за имя-то такое?). Я посмотрел на собеседницу.

— Очень приятно. Игорь Степанович Гладышев. Тренер Детской юношеской спортивной школы по вольной борьбе. Но меня интересуют данные вашего мальчика.

— Мальчика?! — переспросила она так, будто я сказал несусветную глупость. — Какого мальчика?

Да, действительно, дамочка не очень-то... Обычное явление... либо ум, либо красота.

— Ну, разумеется, мальчика, — набравшись терпения, произнес я спокойно. — Ведь если бы у вас была девочка, вы бы наверняка пошли записывать ее в секцию художественной гимнастики или, скажем, фигурного катания, но не в группу вольной борьбы. Мы девочек не принимаем...

— Ах, вот вы о чем! — поняв, в чем дело, неожиданно рассмеялась женщина, и все ее необычное лицо лучилось от веселья. — Нет, у меня нет детей, я пришла к вам по другому поводу.

— Да-а? — протянул я, чувствуя неловкость из-за того, что принял дамочку за родительницу и

устроил здесь абсолютно ненужную процедуру приема несуществующего ребенка в секцию вольной борьбы. — И зачем же вы пожаловали?

У дамочки пропало веселое настроение, и она серьезно проговорила:

— Я пришла к вам, Игорь Степанович, с просьбой. Мне сказали, что вы занимаетесь частным сыском и можете помочь.

Та-ак, я положил на стол ручку и откинулся на спинку стула — слухами земля полнится. Вот и до дамочки молва обо мне докатилась. У меня и правда есть такое хобби, расследовать запутанные дела. Но браться за это дело или нет, я пока не знал. Во-первых, помогаю я обычно только очень хорошим знакомым бесплатно ну, или незнакомым... за деньги, если они их мне дают, а с нее что я буду иметь? А во-вторых, кто эта дамочка такая и чего ей конкретно нужно, я понятия не имел, вдруг она из налоговой инспекции с проверкой лицензии, дающей право на занятие индивидуальной предпринимательской деятельностью, которой у меня нет? Вот потому я и помалкивал, ожидая, что она дальше скажет.

А она между тем продолжила:

— У меня мужа убили, — лицо ее стало печальным, а глаза вдруг наполнились слезами. — Я хочу, чтобы вы помогли мне узнать, кто и за что его убил.

Вот тебе и фунт орехов! Похоже, меня собираются втянуть в историю с криминалом... Нет, Игорь Гладышев за такие дела не берется.

— Извините, я убийствами не занимаюсь, — сказал я, признавая тем самым, что имею кое-какое отношение к частному сыску. — Это прерогатива полиции. Почему бы вам не обратиться со своими вопросами туда?

Какой бы печальной ни хотела казаться Аверьянова, в ее наполненных слезами глазах промелькнула веселая искорка.

— Вы неправильно меня поняли, — проговорила она, тщетно пытаясь скрыть то и дело звучащие в голосе ироничные нотки. — Если вы считаете, что я пришла домой и обнаружила в комнате труп, а потом прибежала к вам с просьбой помочь разыскать убийцу, заверяю вас, это не так. С момента смерти мужа прошел месяц. Полиция это дело уже расследовала, но за неимением состава преступления дело закрыла.

— Словом, по заключению полиции, это было не убийство? — сообразив, в чем дело, уточнил я.

— Полиция так считает, — мягко возразила женщина и полезла в сумочку. Она достала из нее разовый бумажный носовой платок и осторожно промокнула глаза, чтобы не потекла от слез тушь. — Полицейские закрыли дело, сообщив мне, что супруг умер от сердечной недостаточности. Но

я знаю, что его убили.

Честно говоря, мне не очень-то хотелось влезать в это дело — своей работы невпроворот, и, тем не менее, я спросил:

— Откуда такая уверенность?

Женщина неопределенно повела округлыми плечами и шмыгнула носом.

— Мой муж Арсений был крепким молодым тридцатидвухлетним мужчиной, — проговорила она, отстраненно глядя мимо меня куда-то на шкаф с кубками, вымпелами и прочими призами, наглядно иллюстрирующими достижения нашей секции вольной борьбы на соревнованиях. — Он никогда ничем не болел и вдруг умер от сердечной недостаточности. — Дамочка перевела взгляд на меня и посмотрела в упор. Глаза у нее были карие с необычными ярко-зелеными вкраплениями. Колдовские какие-то. — Разве это не странно и не подозрительно?

Я бы мог поспорить с Аверьяновой и привести массу примеров, когда от сердечной недостаточности и других скрытых или не выявленных вовремя болезней сердца умирают и в более раннем возрасте... Но зачем переубеждать дамочку, если она так уверена в своей правоте и пришла ко мне установить истину? Наверное, не имеет смысла. Потому я и не ответил на ее вопрос, а лишь поинтересовался:

— А зачем вам нужно знать правду, какой бы она ни была?

— Ну, как «зачем»? — устало промолвила молодая женщина и, скомкав бумажный платок, положила руки на стол, крепко сжав их в кулачки. — Последний месяц я не знаю покоя. Кто, за что и почему убил Арсения? Он был хорошим человеком, поверьте мне, и вдруг такая нелепая смерть. Он... — Она хотела еще что-то сказать, очевидно, хорошее, но не договорила, из глаз молодой женщины вновь закапали слезы, и она опять промокнула их бумажным носовым платком. Немного успокоившись, продолжила: — Понимаете, Игорь Степанович, — в ее глазах блеснули то ли не успевшая высохнуть влага, то ли злые огоньки, — я не могу спокойно спать, зная, что убийца не наказан. Меня угнетает отсутствие какой-либо информации о том, что случилось с Арсением. Я не могу толком ни есть, ни спать. Прошу вас!.. — Аверьянова посмотрела с мольбой. — Помогите мне!

Черт возьми, сейчас и меня слеза прошибет. Дамочка была странноватой, подверженной резкой смене настроения, и, тем не менее, она мне нравилась как внешне, так и манерой поведения. Но это еще не повод, чтобы браться за ее дело. И все же мне было интересно, что все-таки стряслось с Арсением, — я любопытен от природы.

— Расскажите, что случилось? — попросил я, удобнее устраиваясь на стуле.

— Так вы согласны?! — вскинулась дамочка и одарила меня восторженным взглядом.

Мда-а, тяжело, наверное, жить с такой ярко выраженной гаммой чувств — за каких-то пару минут успела попечалиться, поплакать, посмеяться... Это ж какая эмоциональная нагрузка на психику! Хотя кто знает, возможно, наоборот, особам с таким набором чувств живется проще: попечалится, поплачет, посмеется, а близко к сердцу не примет.

— Пока готов вас только выслушать, — произнес я учтиво, пусть не думает, что меня так легко заполучить в свои руки, в качестве сыщика, разумеется.

Надежда, вспыхнувшая было в ее глазах, потухла, но, тем не менее, собеседница начала рассказывать:

— У нас с Арсением частная фотостудия, вернее, теперь у меня уже одной, — поправилась молодая женщина с нотками горечи в голосе. — Ну, знаете, видеосъемка на свадьбах, днях рождения, крестинах, школьных вечерах и других торжественных мероприятиях, художественные фотографии. Мы арендуем небольшое помещение в Доме культуры «Прогресс» в районе Красково. Игорь был фотографом, я вела работу с клиентами,

занималась бухгалтерией, а на выезде помогала ему во время съемок. На торжествах — обеспечивала свет, помогала компактно расставлять людей, в общем, была на подхвате. В тот день, когда Арсений погиб, мы с ним работали до шести часов вечера, потом я пошла домой, а муж остался, ему нужно было доделать заказ — смонтировать видеоматериалы. Квартира от «Прогресса» у нас неподалеку, мы и арендовали помещение рядом с домом, чтобы не тратить много времени на дорогу до места работы. По дороге я заскочила на рынок, купила кое-какие продукты, пришла домой и позвонила Арсению. Было семь часов вечера, супруг сказал, что еще ненадолго задержится. Я взялась за домашние дела, впрочем, — женщина невесело усмехнулась, — какие у меня там особые дела, детей у нас, к сожалению, нет, так, приготовила ужин и села смотреть телевизор. А в девять часов я вновь позвонила супругу, но он не ответил. Сначала я не придавала этому значения, подумала, возможно, телефон разрядился либо муж не слышит звонка, знаете, бывает такое: телефон звонит, а ты думаешь, мобильник надрывается у кого-либо из людей, находящих рядом. В течение сорока минут я набирала номер, но муж так и не ответил. Обеспокоившись, позвонила в Дом культуры охраннику Константину и поинтересовалась, на месте ли Арсений. Костя

сказал, что Арсений ушел, дверь в фотостудию закрыта, но как он уходил, охранник не видел — по всей вероятности, он в тот момент отлучался в туалет мыть руки. Я обеспокоилась еще сильнее, супруг так и не отвечал на телефонные звонки, и я пошла в «Прогресс». — На женщину, очевидно, накатили неприятные воспоминания, она непроизвольно взмахнула рукой у лица, будто отгоняя несуществующую муху, и нервно потеряла подбородок. — Когда я пришла в Дом культуры, охранник очень удивился моему визиту, а выслушав, вместе со мной отправился в фотостудию. Я открыла дверь своим ключом и там... там... — Аверьянова крепко зажмурилась и втянула носом воздух, сдерживая рыдания. Несколько секунд она молчала, наконец справившись с собой, закончила: — А там мы и нашли Арсения. Видимых повреждений на теле не было, он лежал на полу, рядом с рабочим столом.

Чувствуя, что экзальтированная дамочка сейчас вновь разрыдается, я предостерегающе поднял руку.

— Пока хватит, Екатерина... — я глянул на листок бумаги, где записал ее данные, — Арэтовна! — попутно взглянул на свои наручные часы. Было тринадцать сорок пять. А ровно в два часа у меня должна начаться следующая тренировка — в коридоре уже были слышны голоса

очередной группы детей, нужно было идти в зал, и я проговорил: — Извините, у меня сейчас занятия. Давайте я подъеду после работы, и мы на месте, в Доме культуры, договорим. Напишите адрес.

В глазах у дамочки вспыхнула неприкрытая радость, она поняла, что все же заполучила меня в свои руки, молча взяла лежавшую на столе ручку, перевернула анкету и на ее обратной стороне записала адрес. Я успел заметить, что руки у нее маленькие, нежные, с тонкими ухоженными пальчиками и ногтями, покрытыми бесцветным лаком... «Следит за собой очень тщательно!» — хмыкнул я про себя и поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. Выйдя вместе с гостьей в коридор, я проводил ее до двери, а сам отправился в спортзал.

Глава 2. Дом культуры «прогресс»

Тренировки в этот день у меня закончились в четыре часа дня. Проводив ребят, я принял душ и надел вместо спортивной формы черные вельветовые джинсы, белую в серую клеточку рубашку с коротким рукавом и светлые туфли. Не прощаясь с завучем Колесниковым, который к этому времени уже вернулся с совещания, я, прихватив сумку, выскользнул из коридора спортзала. Не прощался я с Иваном Сергеевичем,

не потому что сбегал с работы — положенное по трудовому договору время я выработал, просто завуч поболтать любит, а мне сегодня некогда...

Я прошел по лабиринтам коридоров Детской юношеской спортивной школы и вынырнул на улицу. Стоял месяц сентябрь, ярко светило солнце, было тепло, и по аллеям нашего спортивного комплекса, включающего в себя несколько зданий и стадион, прогуливались живущие окрест жители, в основном мамы с детьми. Непроизвольно вздохнул — в последнее время я что-то все чаще и чаще стал вспоминать своего сына, который живет с Инной, моей бывшей женой. С ней мы разошлись несколько лет назад и больше не пересекались. Как он там? Большой уже, двенадцать лет... Ладно, Игорь, ты еще молодой, тебе только тридцать шесть, заведешь еще детишек и сможешь на них перенести свою нерастраченную, невостребованную отцовскую любовь. Впрочем, почему «невостребованную и нерастраченную»? А на работе как же? Отдаю любовь пацанам, у которых, кстати, не у всех отцы есть. Вот так часто в жизни и бывает: ты воспитываешь чужих детей, кто-то — твоих...

И чего это вдруг меня на философию потянуло? Я встряхнулся и зашагал к стоянке, к не так давно приобретенному черному «БМВ-5-Е60». Машину я купил подержанную — понятно, что на

свою тренерскую зарплату (деньги, получаемые за сыск не в счет, мизер) новенькую тачку такого класса приобрести не могу. Еще издали заметил, что к стеклу моей машины щеткой стеклоочистителя прижат прямоугольный лист бумаги. «Неужели где-то правила дорожного движения нарушил и мне на стекло прилепили квитанцию уплаты штрафа? — подумал я озадаченно. — Прямо как в Америке «сервис», дорожная полиция штрафы, не видя владельцев автомобилей, раздает». Но нет, подобные листки были прикреплены не только к моей машине, а и к другим стоящим рядом автомобилям. Понятно — реклама. И на закрытой парковке достали...

Приблизился к своему автомобилю и вытащил из-под «дворника» листок бумаги. Это оказалась листовка с предвыборной программой кандидата в мэры нашего города. Я вообще-то политикой не интересуюсь, но волей-неволей из СМИ приходится слышать о том, что творится в мире, да и конкретно в нашем городе, потому отлично знаю, что в сентябре состоятся выборы градоначальника, и за этот пост борются представители различных партий. В числе их, видимо, и этот... Ястребов Вячеслав Дмитриевич — прочитал написанный жирным шрифтом заголовок вверху листовки. Под ним цветной портрет русоволосого, с седыми висками, мордатого мужчины лет сорока — сорока

трех. Да, ряшку себе кандидат в мэры наел приличную... Нет, нельзя такому хозяином города быть, у кормушки власти находиться, еще больше разьестся. Я все равно за него голосовать не буду — не нравится он что-то мне.

Однако какую предвыборную программу он выдвигает? Пробежал глазами по тексту, расположенному ниже фотографии. Так... основные цели: — «...построение честной подотчетной населению и сменяемой городской власти, решение транспортных проблем, победа над произволом полиции... сокращение нелегальной миграции... достойный уровень жизни пенсионеров, доступность качественных услуг ЖКХ, здравоохранение, образование для всех, в том числе для социально уязвимых жителей города, и создание благоприятной среды для развития бизнеса...» Понятно, все они, когда к власти рвутся, золотые горы обещают, а как дорвутся, начисто забывают обо всех своих предвыборных обязательствах. Скомкал листовку и выбросил ее в урну, там ей и место — не в урне избирательной, разумеется, а в мусорной.

Усевшись за руль, выехал со стоянки, а потом и из спортивного комплекса. Ехать было не очень далеко, район Красково мне известен, но, учитывая, что город огромный и все его закоулки, переулки и проулки знать невозможно, забил в навигатор

нужный адрес, и по нему минут тридцать спустя, не попав ни в одну пробку, выехал к «Прогрессу». Дом культуры был районного масштаба, периферийный, еще советской постройки, и особых изменений с тех времен не претерпел: колонны у входа, поддерживающие отделанный мрамором второй этаж, первый же состоял из витринных стекол, закрытых красными портьерами.

Съехал с центральной дороги на второстепенную, затем повернул к зданию и припарковался сбоку от него — к центральному входу проезд был перекрыт шлагбаумом. Закрыв автомобиль, обошел здание и поднялся по широким ступеням...

В прямоугольном просторном фойе, с кадками, с растущими в них какими-то растениями, стоящими по периметру, было тихо, прохладно и пустынно. Сразу видно, периферия, никакой суеты в Доме культуры, только охранник в сине-черной форме и шевроном с надписью «Барс» скучал себе в углу у входа за ресепшен. Он сидел, заложив руки за голову, прислонившись к боковой глухой стене, расположенной сразу справа у входа и при моем появлении оживился, если можно назвать оживлением то, что он пошевелился, удобнее устраивая голову в ладонях со сцепленными пальцами и тупо, вопросительно уставился на меня.

— К Аверьяновой Екатерине, — объявил я,

приближаясь к ресепшен.

Не меняя позы, охранник вытащил одну руку из-за затылка и большим пальцем правой руки ткнул за свою спину в стену.

— У себя, — сказал он глухим голосом.

Нет, я ошибся, он не «тупо уставился на меня», просто лицо его с грубыми чертами, мощными надбровными дугами с мохнатыми бровями было от природы такое...

— Спасибо, господин! — я шутливо отдал честь, двигаясь мимо ресепшена. — Извините, что побеспокоил. — Я вытянул вперед руку и сделал движение, будто стучал по баскетбольному мячу у себя в спортзале. — Сидите, сидите не двигайтесь, а то стена, которую вы подпираете, упадет.

К застывшему тупому выражению на лице охранника примешалось выражение удивления, и он провожал мою персону округлившимися глазами до тех пор, пока я не скрылся за углом, где находилась дверь с надписью «Фотосалон». Для приличия стукнув, открыл дверь и вошел внутрь. В крохотном помещении уместились два кресла, журнальный столик и стол со стойкой. Одна стена, выходящая на улицу, была стеклянной, две другие — пластиковые, сплошь завешанные рекламными фотографиями. Сидевшая за компьютером Аверьянова при моем появлении вскочила и на лице ее, только что мрачном и задумчивом,

вспыхнула радостная улыбка.

— Ой, Игорь Степанович! — воскликнула она и хлопнула в ладоши. — Спасибо вам за то, что не подвели. А я вот сижу и гадаю, придете или нет?

— Ну, как я мог подвести вас, — тоном галантного человека произнес я. — Коль обещал прийти...

— Да-да, конечно, — неожиданно стушевалась Екатерина... — Хотите чаю, кофе? — предложила хозяйка салона и порывисто встала.

На ней была чуть выше колен темная юбка и красный топик. И прическу поменяла. Волосы уже не собраны на затылке в комок, а распущены по плечам. И когда успела переодеться и причесаться? Домой, что ли, сразу после встречи со мной поехала и сменила облик? К чему бы это?

— Нет, спасибо, — сказал я и отрицательно покачал головой. — Давайте ближе к делу.

— Ну, хорошо, хорошо, — поспешно сказала Аверьянова своим нежным бархатным голоском. — Что вас интересует?

— Для начала место, где умер ваш супруг. Это произошло здесь? — я стал оглядываться по сторонам, будто искал место, где лежал труп, который убрали не месяц назад, а всего лишь полчаса, и на месте преступления, на котором еще ничего не трогали, могли остаться кое-какие улики.

— Нет-нет, это произошло не здесь! —

закрутила головой Аверьянова так активно, что кончики ее превосходных темных шелковистых волос взметнулись. — В этой комнатке я только оформляю и выдаю заказы, а сама фотостудия расположена в другом месте. Пойдемте!

Дамочка выскользнула из-за стола и шагнула мимо меня в дверь. Я двинулся следом. В фойе мы столкнулись с высоким, плотным, коротко стриженным мужчиной лет шестидесяти, вышедшим из двери напротив. У него было интеллигентное, довольно-таки приятное лицо со светлой кожей, безвольным подбородком, светлыми глазами, редкими бровями, высоким лбом. На переносице мясистого носа красовались оптические очки в дорогой оправе. Одет был мужчина модно — в коричневые дорогие мокасины, в коричневые вельветовые брюки и светлую рубашку, причем, несмотря на летнее время, с длинными рукавами с запонками и туго затянутым галстуком с золотой заколкой. По тому, как он шел непринужденно и по-хозяйски поглядывая по сторонам, было ясно: мужчина — не последний человек в Доме культуры. Это косвенно подтвердил охранник, вскочивший при его появлении и попытавшийся сделать умное лицо, чего ему не удалось.

Заметив Аверьянову, мужчина добродушно улыбнулся и остановился.

— Здравствуйте, Катя! — произнес он

приветливо.

Остановились и мы. Поскольку я сопровождал Аверьянову, а мужчина был интеллигентом, он поздоровался и со мной, протянув мне руку. Я пожал в ответ его широкую мягкую ладонь, чему не удивился — он мне весь казался мягким и нежным, будто детский плюшевый медвежонок.

— Здравствуйте, Георгий Семенович, — зардевшись, прошептала Аверьянова.

— Как продвигаются дела в вашей студии? — поинтересовался он с отеческой заботой и снисходительно посмотрел на молодую женщину.

— Спасибо, Георгий Семенович! — дамочка сделала милое лицо. — Все в порядке!

— Желаю и дальше процветать, — неожиданно мягко проговорил мужчина, очевидно, вспомнив о недавних трагических событиях, произошедших в жизни Аверьяновой. Он с теплотой посмотрел на молодую женщину, едва кивнул мне на прощание и двинулся к выходу из здания.

— Директор Дома культуры Лоскутов, — пояснила Екатерина, когда мужчина исчез из виду. — Отличный дядька, между прочим. И за аренду помещения под фотосалон он не так много берет. Но пойдёмте, Игорь Степанович, я вам фотостудию покажу.

Директор Дома культуры давно уже ушел, а

охранник все еще продолжал стоять. Я махнул ему рукой и сказал:

— Вольно! Можно садиться! — затем повернулся и пошел следом за Аверьяновой.

По другую сторону от входа находилось точно такое же помещение, которое я пару минут назад покинул, только в зеркальном отображении. Катя толкнула двери и вошла внутрь. Я — за ней. Ну, вот это действительно фотостудия. Здесь были зонтики с лампами, дающими ровный мягкий свет, ширма с несколькими слоями яркой разноцветной материи, которую можно было менять, создавая определенный фон; кушетка и стол со стоящим на нем ноутбуком. За столом сидел парень лет двадцати пяти в рваных «по-модному» джинсах и красной футболке. У парня были не только модные джинсы, у него и внешность была соответствующая. Виски и затылок выбриты, оставлен лишь дурацкий чубчик, в ухе серьга, в губе и носу пирсинг. Но надо сказать, смазливый парнишка — четкие правильные черты лица, девичьи нежные губы, большие влажные глаза... Не знаю почему, но я вдруг испытал неприятное чувство — неужели Екатерина так быстро утешилась после смерти мужа и нашла себе нового друга? «Впрочем, хоть бы и так, мне-то что?» — одернул я себя.

Екатерина, словно прочитав мои мысли, вдруг

стушевдалась, покраснела и сбивчиво промолвила:

— Это Дима, мой новый фотограф...

— Игорь Степанович, — сказал я повернувшись на стуле и уставившемуся в мою сторону парню.

Говорить при постороннем на щекотливую тему не следовало, этого мнения придерживались мы оба с Аверьяновой, и она попросила парня:

— Дима, выйди, пожалуйста, нам с Игорем Степановичем побеседовать нужно.

Парень покривил губы, как мне показалось, не очень охотно поднялся и вышел из студии.

— Понимаете, Игорь Степанович, — нервно сплетя пальцы рук и опустив их вниз, как бы оправдываясь, произнесла Екатерина. — Мне пришлось взять Диму на работу, иначе фотостудия перестанет существовать. Я не могу вести работу с клиентами, бухгалтерию и сама фотографировать, тем более для этого нужен талант. У Димы он есть. Как это ни кощунственно звучит, дела фотосалона с приходом Дмитрия идут ничуть не хуже, если не лучше, чем при Арсении. — Она вновь расплела пальцы и сложила руки на груди. Извиняющимся тоном продолжила: — Вы должны понять меня и простить.

Я пожал плечами.

— Что за глупости, Екатерина Арэтовна! Мне не за что вас прощать или извинять. Вы взрослый,

самостоятельный человек и вольны поступать так, как вам удобно и выгодно для дела.

— Правда? — совсем не к месту обрадовалась молодая женщина, и в темных, чуть раскосых глазах ее вспыхнули веселые искорки. — Вы меня не осуждаете?

— Господь с вами! — с полуулыбкой сказал я, а про себя добавил: «Ветреная ты наша!» — Ладно, Екатерина Арэтовна, давайте перейдем к делу. Расскажите, где и как вы нашли труп своего супруга.

— Вот здесь, — с готовностью сказала молодая женщина и очертила ногой полукруг рядом со столом. — Было такое впечатление, что Арсений сидел за компьютером, смерть поразила его внезапно, и он упал на бок, на пол. Видимых повреждений, как я вам уже говорила, на его теле не было, не было видно и крови, но на его лице застыло выражение муки.

Честно говоря, я пока понятия не имел, с чего начать расследование, но с умным лицом сказал:

— Понятно. — Потом, потеряв подбородок, с видом мыслителя поинтересовался: — Скажите, а не было ли на столе чашки с кофе или воды, которую ваш супруг мог бы выпить и отравиться или, может быть, фрукты какие-нибудь стояли?

Дамочка прикусила губу, секунду раздумывала, а потом выдала ответ:

— Нет, кроме ноутбука, на столе ничего не было.

— Понятно, — снова сказал я, теребя мочку уха. — Я бы хотел поговорить с охранником, может быть, он что-то знает?

— Этот? — презрительно скривила губы дамочка, указав пальцем за стену, за которой в фойе находился пост охраны. — Сашка еще тот тормоз. Не-ет, — она качнула головой, — в тот день Костя стоял. Он завтра Сашу сменит.

— Хорошо, тогда подойду сюда завтра и поговорю с охранником, — пообещал я. — Только вам придется предупредить его относительно моего желания побеседовать с ним. Надеюсь, Константин не откажется ответить на пару моих вопросов?

— Нет, конечно, он парень хороший, не откажет, я его обязательно предупрежу, — заверила Аверьянова и неожиданно с истеричными нотками воскликнула: — Черт побери, я не могу здесь находиться! Как захожу в студию, так сразу вижу лежащего на полу Арсения! — И вдруг безо всякого перехода она уже как-то мягко сказала: — Вам, наверное, деньги нужны для расходов, и вообще, не мешало бы обговорить цену, за которую вы согласитесь заниматься моим делом.

— Пока ничего не надо. Если потребуется, я потрачу свои деньги, а вы потом мне их возместите. Потому что я понятия не имею, во сколько встанет

вам это расследование.

С тоской огляделся по сторонам. Какого лешего я сюда приперся? Пинкертон доморощенный. Даже если бы здесь и были какие-то следы, отпечатки или иные улики, их давно уже стерли, смыли, унесли, уничтожили. Миновал-то уже целый месяц. Да и вообще, прежде чем приступить к расследованию этого дела, нужно знать: действительно ли Арсения убили или он умер от сердечной недостаточности в полном соответствии с данным заключением судмедэкспертизы.

Полезно, оказывается, иной раз порассуждать. Я, кажется, понял, где и как можно узнать, отчего умер Арсений Аверьянов.

— Вы получали свидетельство о смерти в загсе, правильно? — быстро спросил я.

— Да, — удивленно ответила Аверьянова, — только какое это имеет отношение к убийству моего супруга?

— Давайте вопросы пока буду задавать я, — мягко попросил я женщину. — А то мы так с вами будем долго ходить вокруг да около.

— Извините, — смутилась Аверьянова.

— Вы же в морг принесли справку о смерти, на основании которой вам и выдали свидетельство о смерти. Верно?

— Ну-у, да-а, — как-то неуверенно протянула

дамочка, очевидно, не очень-то хорошо помня детали тех, месячной давности, трагических событий. — Я была в таком ужасном состоянии, — вспоминая, она закатила глаза к потолку и медленно проговорила: — Мне справку в морге выдали, и я ее повезла в загс. Все верно, — опустив было взгляд на то место, где когда-то лежал мертвый Арсений, молодая женщина стихла.

— А вы не помните фамилию человека, который выдавал вам справку? — спросил я, очень надеясь, что память у Екатерины отличная. Увы...

— Нет, не помню, — как-то виновато ответила Аверьянова.

— Жаль, — проговорил я разочарованно. — А морг какой?

— При двести пятидесятой больнице, — твердо ответила дамочка.

— Отлично! — воскликнул я и, сконфузившись, поправился: — Отлично, что помните...

— Поняла, — криво ухмыльнулась Катя.

— Ладно, пойдете отсюда, — я двинулся к двери. — Мне нужно проехать в этот морг.

— И я с вами, — неожиданно заявила молодая женщина.

Я остановился и удивленно глянул на нее.

— А вам зачем ехать? Вы заказчик — я исполнитель, вам необязательно следовать за мной

во время моих поисков.

— Ну-у, — замялась дамочка, — во-первых мне интересно, что вам удастся узнать в морге, а во-вторых, я могу вам помочь найти нужного врача.

Действительно... Пусть едет, делать ей, видимо, все равно нечего.

— Ладно, двинулись, — согласился я и, выходя из фотостудии, толкнул дверь, открывая ее.

Глава 3. Морг

Мы с Аверьяновой ехали на моем автомобиле в морг. Раз представилась возможность узнать о жертве преступления больше, я использовал эту возможность и задавал Екатерине вопросы. Не обошлось и без главного вопроса, которым задаются сыщики, как частные, так и состоящие на государственной службе — я имею в виду следователей.

— Были ли у вашего супруга враги, которые желали бы ему смерти? — спросил я, еле двигаясь в плотном потоке автомобильного транспорта.

Зеркало заднего вида в машине было панорамным, поэтому я хорошо видел реакцию Аверьяновой, которая покривила рот, выражая таким образом недоумение.

— Нет, откуда было взяться врагам? — сказала она с нотками удивления. — Он обычный молодой мужчина, никогда не был замешан в

каких-либо криминальных делах, никогда и никого не обижал, ни с кем не ссорился. Увлечений особых не имел, за исключением разве что фотографии. Настоящий мастер, многие заказывали ему свои портреты. Так что понятия не имею, кто бы мог желать моему покойному супругу смерти...

— Родители у него есть? — поинтересовался я, прибавляя скорость — движение, кажется, возобновилось в обычном режиме — возникшая неизвестно из-за чего пробка так же неизвестно из-за чего рассосалась.

— Только мама, — ответила дамочка, стрельнув глазами в зеркало заднего вида, и, столкнувшись в нем с моим взглядом, поняла, что я слежу за отражающимися на ее лице эмоциями, и напустила на себя строгий вид, соответствующий печальной теме разговора. — Арсений единственный сын, и горе матери безгранично, как, впрочем, и мое, — добавила она смиренно.

— А у вас родители есть? — задал я очередной вопрос и надавил на педаль акселератора, вырываясь из потока машин на простор дороги.

— Да, — ответила Аверьянова, стараясь не показывать, что она знает, что я наблюдаю за ней посредством зеркала, и постаралась придать своему лицу одухотворенность, как если бы находилась сейчас не под взглядом всего лишь одного

скромного тренера ДЮСШа, а под объективами телекамер. — Но они живут отдельно, вернее, я живу отдельно, — поправилась дамочка.

— А кому принадлежит квартира, в которой вы живете? — задал я коварный вопрос.

Аверьянова, глянула в зеркало заднего вида и тут же отвернулась. И чего это она вдруг заволновалась?

— Квартира досталась Арсению в наследство, призналась дамочка. — Его бабушка умерла пару лет назад и завещала квартиру ему.

— Значит, теперь вы наследница жилья своего покойного супруга? — поинтересовался я невинно. — Или его мама?

— Я, — неожиданно растерялась молодая женщина. — Квартиру Арсений сразу переписал на меня, потому что он является владельцем и той квартиры, в которой живет его мама, а платить за две квартиры невыгодно, и Арсений и его мама решили сделать собственником этой квартиры меня.

Я с понимающим видом кивнул и задал очередной вопрос:

— А вторую квартиру кто наследует?

— Ну, здесь дело понятное, — пожала плечами Екатерина. — Конечно же, его мама. Она там и прописана, и муж ее покойный тоже был прописан там... Нам налево! — указала женщина

на возникшее впереди пересечение улиц.

Как раз загорелся зеленый свет, я въехал на перекресток и, пропустив встречную машину, свернул налево.

— А скажите, Екатерина Арэтовна, этот парень, Дима, что сейчас работает на месте вашего мужа... вы с ним познакомились до смерти Арсения или позже?

Аверьянова повернула ко мне вдруг вспыхнувшее лицо и с нотками возмущения воскликнула:

— На что вы намекаете, Игорь Степанович, что я... я... и Дима... что мы... — она округлила глаза и чуть не задохнулась от переизбытка чувств.

Я знаю, что перебивать даму неприлично, но тем не менее перебил, а то еще действительно задохнется от возмущения.

— Да ни на что я не намекаю, Екатерина Арэтовна, — сказал я, поморщившись, давая понять Аверьяновой, что говорит она ерунду. — Просто надо же выяснить, какая обстановка сложилась вокруг вашего покойного супруга и что за люди его окружали.

— Но я ни в чем не виновата, Игорь Степанович! Что за глупости? Я... я... — не находя слов, молодая женщина отвернулась от меня и, уставившись в окно, засопела. — Зачем бы я тогда занимала вас?! — наконец справившись с

охватившими ее чувствами, произнесла Аверьянова.

— Вот именно! — поддакнул я с улыбкой, стараясь разрядить накалившуюся вдруг в машине обстановку. — Вас никто ни в чем не подозревает. Но вы не ответили на мой вопрос...

Дамочка вновь засопела.

— Я знаю Диму давно, — выдала она, бросив на меня косой взгляд. — Но между нами ничего не было и нет, если это вас интересует. Только отношения работодателя и работника. — Голос ее чуть смягчился. — Поверьте, Игорь Степанович, он в самом деле очень хороший работник.

— Никто и не сомневается, — проговорил я как человек, который задал безобидный вопрос и теперь недоумевает, с чего это вдруг его собеседник раскипятился.

— Нам сюда! — буркнула Аверьянова, указывая на появившееся впереди шестиэтажное здание больницы сталинской постройки. — Вернее, чуть дальше. Вон, видите, справа автостоянка?

Я свернул туда, куда указывала Екатерина, и припарковался на крохотной придорожной стоянке рядом с забором, за которым располагалось невзрачное приземистое одноэтажное здание морга. Вот так в жизни человека и бывает: рождается он в светлом просторном здании роддома, а заканчивает свой путь в сером невзрачном здании на задворках

какой-нибудь больницы.

Первое, что бросилось в глаза, когда я вместе с дамочкой покинул автомобиль, это расположенный напротив морга через дорогу мясной магазин, реклама на котором громадными буквами гласила: «МАГАЗИН МЯСНОВ: ВСЕГДА СВЕЖЕЕ МЯСО». Да уж, для рубрики «черный юмор» нарочно не придумаешь. Конечно же, на этот прикол я Екатерине указывать не стал, она и без того стала мрачной, видимо, накатили воспоминания, связанные с недавними событиями, когда Аверьянова забирала из морга своего покойного мужа.

Миновав калитку, мы приблизились к зданию и, поднявшись всего лишь по двум ступенькам крыльца, вошли в пустынный холл морга. Да-а, мрачное место — один только запах, свойственный таким заведениям, чего стоит... Пол и стены в кафеле... Стала понятна фраза: холодно, как в морге. В холле действительно было прохладно, но эта прохлада не действовала умиротворяюще, как действует на человека после жаркого дня прохлада помещения, а как-то пронизывающе, навевая мысли о том, что прохлада здесь предназначена не для комфортного пребывания живых, а для сохранения на некоторое время в законсервированном состоянии мертвых.

Что и как узнать в морге, я понятия не имел,

но не зря же приехали... И я шагнул к окошечку, за которым сидела в белом халате медсестра лет под сорок, с лицом зловредной мымры, причем в очках. Черт, даже не знаешь, как вести себя с медсестрой в подобном заведении. Не будешь же подключать к голосу и улыбке имеющееся у тебя обаяние, и тем не менее с бархатным тембром голоса проговорил:

— Здравствуйте! У меня к вам один вопрос.

Медсестра, писавшая что-то в журнале, закончила заполнять какую-то графу и только после этого подняла ко мне свое некрасивое, с плотно сжатыми тонкими губами лицо и ничего не сказала, только посмотрела вопросительно.

— Извините, пожалуйста, — проговорил я тоном попавшего в затруднительное положение человека, который очень надеется, что его пожалеют и помогут. — Вы бы не могли подсказать, кто проводил вскрытие тела Аверьянова Арсения в прошлом месяце числа... числа... — Я повернулся к дамочке, стоявшей рядом со мной: — Когда это было, Катя?

— Двадцать пятого, — с ходу поняв, что мне требуется, подсказала Аверьянова.

Я снова повернулся к медсестре и продублировал:

— Двадцать пятого.

Глупо было рассчитывать так вот с ходу в подобном заведении узнать ответы на

интересующие меня вопросы. Но кто знает, может быть, повезет? Однако чуда не случилось.

— А зачем вам это нужно? — наконец-то разлепила свои плотно сжатые губы медсестра.

«Действительно, хороший вопрос!» — подумал я уныло и, не зная, что ответить, начал мямлить:

— Э-э-э, у нас кое-какие вопросы возникли к патологоанатому, ну, в плане наследственных заболеваний... хотелось бы поточнее узнать, чем болел Аверьянов, потому что у его брата, э-э, тоже начались подобные же проблемы с сердцем.

Медсестра посмотрела подозрительно.

— А кто вы?

— Я Игорь Гладышев, — проговорил я с таким гордым видом, будто мои имя и фамилия были известны всем и каждому в нашем городе. — А-а это супруга Аверьянова, — кивнул я в сторону Екатерины.

— Впрочем, это не важно, — сказала суровая медсестра и категоричным тоном добавила: — Мы никаких справок не даем. Все вопросы через полицию. Если оттуда к нам поступит запрос, мы на него ответим. Трупы могут быть криминальными, потому мы о них кому попало сведений не раздаем. Извините! — И женщина, давая понять, что разговор окончен, вновь взялась за ручку и журнал.

Из произошедшего с медсестрой разговора

следовало, что никаких интересующих меня сведений об умершем Арсении Аверьянове я в морге не узнаю. Неужели зря притащился? С разочарованным видом отошел от окошечка, за которым сидела медсестра. Следовавшая за мной по пятам Аверьянова тоже казалась расстроенной.

— Что же теперь будем делать? — невесело спросила молодая женщина.

— Не знаю, — в тон ей ответил я. — Будем думать.

Екатерина хотела что-то ответить, но в этот момент ее необычной красоты лицо напряглось, глаза сузились, как у человека, который пытается что-то припомнить, а затем на ее губах возникла блуждающая самодовольная полуулыбка.

Я обернулся, проследив за взглядом молодой женщины. Из коридора в холл ступил одетый в голубой медицинский халат и в синие, выглядывающие из-под него джинсы мужчина лет сорока, выше среднего роста, худой, загорелый — очевидно, недавно приехавший из отпуска с моря — сезон отпусков был в самом разгаре. Он был довольно приятной наружности: густые вьющиеся волосы темного цвета, большие, с каким-то блеском, глаза, высокий лоб, прямой нос, подвижные губы. Наверняка такой джентльмен пользуется успехом у слабого пола, о чем свидетельствовало лицо Аверьяновой, выражение

которого стало блаженным. Однако я ошибся — молодая женщина смотрела так не потому, что ей понравился мужчина, а потому что она что-то вспомнила.

— Игорь Степанович, а я этого человека знаю! — проговорила она как-то обрадованно, когда мужчина прошел мимо нас и скрылся в другой части коридора, проходящего через холл и из конца в конец здания. — Это врач-патологоанатом. Именно он проводил вскрытие тела Арсения. Честно говоря, у меня вылетел из головы произошедший со мной эпизод месяц назад, а вот сейчас, увидев врача, я его вспомнила. Когда оформляла документы, чтобы забрать тело покойного супруга, то разговаривала с этим мужчиной. Тогда еще думала, что у Арсения действительно отказало сердце, и я, дожидаясь, когда врач подпишет справку, случайно столкнулась с ним в холле. На него мне указала одна из медсестер. И я сказала ему, что меня гложет мысль о том, что не была в момент смерти Арсения рядом с ним. Спросила, могла ли я что-либо изменить, если бы находилась рядом. Он ответил, что, увы, Арсению ничем помочь было нельзя, сердце остановилось внезапно, и даже если бы с ним рядом находился опытный доктор, он вряд ли бы что-то смог сделать.

Пока Екатерина говорила, голос ее креп,

уверенности в нем прибавлялось все больше и больше, и наконец она твердо закончила:

— Да-да, это был именно тот человек!

Я воспрянул духом.

— Отлично! — воскликнул я радостно и чуть было не потерял руки, да вовремя вспомнил, что нахожусь в таком заведении, где бурно проявлять чувства не принято, и, погасив эмоции, спросил: — А как его фамилия, имя, отчество, вы не помните?

— Нет, — с сожалением ответила Аверьянова и, подкрепляя свои слова жестом, развела руки в стороны.

— Жаль, — произнес я несколько потускневшим голосом, но не отчаиваясь. — Но ничего, мы его и так разыщем. Главное, знаем патологоанатома в лицо.

С этими словами я развернулся и двинулся в коридор, в ту часть его, где исчез мужчина в голубом халате, но тут навстречу вышел охранник, который, видимо, куда-то отлучался по своим делам от места несения службы из холла, где, только сейчас я заметил, стоял скромный стол, очевидно, рабочее место охранника. О, господи, и здесь охранник! Такое впечатление, что у нас половина города состоит из «чоповцев». Но здесь-то, в морге, что охранять?! Трупы?

— Сюда нельзя! — произнес нерусской внешности мужчина в униформе.

— Мне бы с врачом поговорить! Вон он пошел! — сказал я, пытаюсь миновать «чоповца», но тот преградил путь.

— Я же говорю, туда нельзя! — строго и категорично произнес мужчина. — Там служебные помещения. Да и рабочий день давно окончен! Приходите завтра!

— Я на минутку! — попробовал настаивать я, но охранник разозлился.

— А кто вы вообще такой? Ваши документы, пожалуйста!

Э-э, нет, после разговора «по душам», который у меня должен состояться с врачом, светить документы не стоит. Еще в полицию обратятся, а мне с ней не очень-то хочется встречаться. Но, похоже, если я отсюда не уйду, мне с ней придется встретиться через несколько минут — медсестра со злым выражением лица, сидевшая за окошком, неотрывно глядя на меня, сняла с телефонного аппарата трубку. Точно ведь вызовет! Пора сматываться! Я поднял перед собой руки, как человек, который сдается, и, отступая, примирительно сказал:

— Ладно-ладно, вы меня уговорили, встречу с врачом в другой раз.

Развернулся и, схватив за руку Аверьянову, которая зазевалась, потащил ее к выходу.

На улице свежий воздух пьянил. Я постоял

немного, соображая, что делать, потом сказал спутнице:

— Вы идите, Екатерина, в машину. Подождите меня в ней, а я скоро приду.

Отдал молодой женщине ключ от автомобиля, а сам повернулся и двинулся в обход морга.

С обратной стороны его был черный вход, видимо, чтобы забирать усопших, не таскаясь с гробами по всей территории больницы. Двери были широкими, двустворчатыми, одна дверка оказалась неплотно прикрытой. Я приоткрыл ее и заглянул внутрь. Здесь был предбанник довольно просторный, при желании в нем могла поместиться легковая машина или половина грузовой. Для чего это было сделано — не знаю, возможно, для скрытой от любопытных глаз погрузки и разгрузки тех же трупов. Дальше вверх были три ступеньки, небольшая площадка и еще одни двери. К моей радости, и они оставались открытыми. Очевидно, оплошность охранника, выходявшего недавно перекурить, а может быть, никто и не думал, что через «задний вход» в морг могут пробраться смельчаки, и никому и в голову не приходило закрывать двери. Что ж, тем лучше.

Войдя, оказался в небольшом коридоре, миновав который попал в прямоугольный, довольно-таки просторный зал с мраморным столом посередине, но не с ровной поверхностью, а

вогнутой и желобком, ведущим в канавку, окаймляющую стол по периметру на полу. Над столом была установлена осветительная лампа, как в операционной. Когда понял предназначение этого сооружения, то невольно содрогнулся: стол анатомический... На мое счастье, на столе не лежал исследуемый материал. Казалось, что трупный запах здесь источали сами стены. Я быстро выскользнул в коридор. Было пустынно, рабочий день уже закончился, и все работники морга покинули здание, в нем оставались лишь медсестра, охранник, возможно, санитар и тот самый врач-патологоанатом, на которого мне показала Аверьянова.

В коридоре, в котором я оказался, находился ряд дверей, по обе стороны. Недолго думая, я стал дергать за ручки... Вскоре наткнулся на дверь с табличкой: «Киселев Алексей Владимирович». Толкнув дверь, обнаружил за нею нужного мне человека.

В крохотной комнате, в которой едва уместились стол, обычный книжный шкаф и шкаф медицинский, стеклянный, за столом сидел тот самый мужчина, что прошел мимо нас с Аверьяновой в холле и исчез в коридоре. Перед ним на столе стояли монитор, клавиатура и мышка, а рядом — стакан, на четверть наполненный темноватой жидкостью и, судя по аромату,

перебивавшему стойкий трупный запах, врач-патологоанатомпил дорогой коньяк. Осуждать мужчину за то, что он пил на рабочем месте, я не мог, как иначе здесь работать...

— Здравствуйте! — сказал я, добродушно щерясь, и мимоходом еще раз глянул на табличку на двери с фамилией, именем и отчеством врача. — Алексей Владимирович. Разрешите?

И, не дожидаясь позволения войти, ступил в кабинет. При моем появлении мужчина дернулся было к стакану, чтобы спрятать его, но было уже поздно, и мужчина сделал вид, будто потянулся к клавиатуре, чтобы поправить ее.

— Кто вы и что вам здесь нужно? — произнес он удивленно и настороженно, соображая, что за личность притащилась к нему в кабинет в тот самый момент, когда он решил приложиться к коньячку.

Раз не возражает против имени и отчества, которыми я назвал врача, значит, мужчина и есть тот самый Киселев, чьи данные и указаны на табличке на двери.

— У меня только один вопрос к вам, Алексей Владимирович! — сказал я вкрадчиво. — Месяц назад, двадцать пятого числа, вы проводили вскрытие Арсения Аверьянова и дали заключение, что он умер от сердечной недостаточности. Скажите, ваше заключение соответствует

действительности или Аверьянов умер насильственной смертью?

— Кто вы и что вам здесь нужно? — снова повторил Киселев, и его подвижные губы несколько раз дернулись, а красивые блестящие глаза (блестящие от хорошей дозы коньяка) стали зло буравить меня.

Я несколько раз невинно хлопнул глазами, не такими, правда, красивыми, как у Киселева, а обычными, серого цвета.

— Игорь Степанович, я частный сыщик! — проговорил я радостно, как Санта-Клаус, пришедший поздравить ребенка с Рождеством. — А то, что мне нужно, я вам уже сказал: своей ли смертью умер Аверьянов или его убили?

Патологоанатом, по-видимому, вначале опешивший от внезапного вторжения чудаковатого посетителя, пришел в себя. Он побагровел и рявкнул:

— Во-первых, я не помню никакого Аверьянова, а во-вторых, выйдите отсюда вон!

Я вздохнул:

— Ладно, попробуем поговорить по-другому! — с этими словами я прикрыл за спиной дверь, повернул на замке защелку и угрожающе двинулся к патологоанатому.

— Эй, эй! Вы что себе позволяете? — вытаращив глаза, воскликнул мужчина и подался

назад вместе со стулом, ножки которого, проехав по кафельному полу, отчаянно скрипнули.

Я перестал разыгрывать простодушного Санта-Клауса, принесшего подарок, наоборот, постарался придать себе зверский вид монстра, пришедшего отобрать самое ценное — жизнь.

— Вопрос задал, жду ответа.

Не зря я постарался придать себе грозный вид, потому что своего добился — мужик порядком струхнул.

— Вы понимаете, что нарушаете закон? — спросил патологоанатом, и его подвижные губы на сей раз затряслись. — Вас за это судить могут!

Я сделал к Киселеву еще полшага и навис над ним.

— Судить будут тебя за то, что дал в полицию фальшивое заключение!

Я, конечно, блефовал, и если Аверьянов умер своей смертью, то меня могут привлечь к ответственности, но...

Мужик, видать, был интеллигентом, к мужским играм в виде кулачного боя, бокса или борьбы непривычным, а потому, уже не на шутку перепугавшись, пошел на попятную.

— Ну, хорошо, помню, помню я тот случай, — пробормотал он, стараясь сохранить остатки достоинства. — Все в порядке там было. Умер этот ваш Аверьянов от сердечной

недостаточности, сердце у него остановилось. Обширный инфаркт...

Что ж, раз начал совершать глупые поступки, значит, нужно совершать их и дальше, добиваясь своего. Главное, следов побоев на теле патологоанатома не оставлять, чтобы потом меня не привлекли за них к уголовной ответственности за нападение на должностное лицо при исполнении служебных обязанностей. А коль не будет синяков и ссадин, пусть «трупный доктор» докажет, что я применял к нему физическую силу — свидетелей-то нет.

— А если хорошенько подумать?! — предложил я со зловещей улыбкой, потом схватил выставленную вперед для защиты руку Киселева за запястье, быстро и ловко заломил ее ему за голову. Затем стал одной рукой тянуть его руку за запястье к себе, а другой давить на голову патологоанатома в другую сторону, применяя довольно-таки болезненный болевой прием.

— А-а, — попробовал было заорать Киселев, но я сильно и точно пробил под дых врача, и тот замолчал, беззвучно открывая рот и хватая им воздух, пытаюсь восстановить сбитое дыхание. Я чуть ослабил давление на руку и голову, Киселев сумел сделать вдох и на выдохе с трудом выдавил: — Вы с ума сошли! Отпустите меня немедленно.

— Вопрос, — проговорил я терпеливо и вновь

усилил давление на голову и руку патологоанатома:
— Отчего умер Аверьянов?

— Я же сказал! — прохрипел хозяин кабинета. — От обширного инфаркта миокарда!

— А вот и нет! — произнес я тоном, не сулящим ничего хорошего патологоанатому. — Его убили, и я хочу знать правду. И если ты мне сейчас не ответишь, то я сломаю твою руку, и тогда ты не сможешь долгое время заниматься своей любимой работой и потеряешь квалификацию. Ну, я тебя слушаю.

— Хорошо, — наконец сдался Киселев с выступившими на глазах слезами. — Отпусти!

— Да не беспокойся, я не устал, могу еще подержать! — пошутил я, однако давление на оказавшиеся в моих руках части тела патологоанатома ослабил, давая ему возможность перевести дыхание и более-менее связно начать говорить.

— Его отравили... ядом... — в общем-то довольно членораздельно проговорил Киселев. — Сделали инъекцию в шею. Я обнаружил у него прокол от иглы шприца.

Вот это да!!! От изумления я чуть не ослабил хватку и не выпустил патологоанатома из рук, но вовремя спохватился и снова с силой надавил на его голову и потянул на себя руку.

— А зачем ты дал ложное заключение

экспертизы? — спросил я сурово.

Вскрикнув, Киселев произнес так, будто на его грудь давила могильная плита:

— Я не могу этого сказать!

— Не только руку сломать, могу еще и шею свернуть, — пообещал я. — Так что делай выбор: оказаться со сломанной рукой и шеей или выдать тайну.

Очевидно, боль, испытываемая Киселевым, была такой сильной, что он плюнул на тайну и, как раненый зверь, проревел:

— Мне приказал заведующий моргом, а зачем это ему надо было, я понятия не имею!.. Да отпусти же меня наконец! — взмолился Киселев.

В общем-то все, что мне нужно было узнать, я узнал, мучить дальше патологоанатома не имело смысла, и я выпустил из своих рук голову и запястье «трупного доктора».

— Ладно, спасибо за интервью, — произнес я, как ни в чем не бывало. — Давайте договоримся так, Алексей Владимирович! — вновь переходя на официальный тон, сказал я, шагнул к раковине и стал, как заправский доктор после проведенной операции, мыть руки. — Я у вас ничего не спрашивал о трупе Аверьянова, вы ничего не рассказывали. И мне и вам это выгодно. Если же заявите в полицию, то я молчать не буду — скажу, что вы дали ложное заключение экспертизы.

— Дурак! — неизвестно чему ухмыльнулся Киселев и стал растирать шею, плечо и руку.

Я не стал спорить с патологоанатомом.

— Может быть, — проговорил невозмутимо, закрыл кран и вытер руки о висящее на крючке вафельное казенное полотенце. — Но все же нам обоим лучше помалкивать. До свидания!

Я шагнул к двери в тот момент, когда Киселев схватил со стола стакан и махнул примерно граммов сто коньяку.

— За то, чтобы люди умирали своею смертью и патологоанатомам не приходилось бы подтасовывать факты! — провозгласил я тост, затем, повернув защелку, открыл дверь и переступил порог кабинета. Никем не замеченный покинул здание морга.

Вернувшись в автомобиль, рассказал Аверьяновой о своей встрече с Киселевым, передал содержание беседы, опустив подробности, с помощью которых мне удалось узнать у патологоанатома интересующие меня сведения.

Дамочка ужасно расстроилась, узнав, что ее супруг умер все же от отравления, но в своей решимости найти убийцу была непреклонна. Что ж, попробуем ей в этом помочь, тем более мне самому стало интересно узнать, за что же все-таки убили фотографа.

Все, на сегодня расследование закончено. Я

отвез Аверьянову домой, а сам отправился восвояси — в свою двухкомнатную холостяцкую квартиру.

Глава 4. Охранник

На следующий день, после окончания тренировки, в три часа я отправился в Дом культуры «Прогресс». В этот час здесь было оживленно. Подъезжали и парковались автомобили, по ступенькам крыльца поднимались люди. Однако я, несмотря ни на что, припарковал автомобиль на том же самом месте, что и вчера, и, обойдя здание, вновь поднялся к входу. И тут мне стало понятно, чем вызвано сегодня паломничество: объявление гласило, что сегодня в 16.00 состоится встреча кандидата в мэры префекта Черникова Сергея Александровича с избирателями. На часах было 15.45. Да, не вовремя я приехал: разговаривать при таком наплыве людей с охранником, ради встречи с которым я и прибыл в ДК, невозможно. Придется подождать, пока народ схлынет. От нечего делать прошелся вдоль крыльца и остановился у рекламной листовки Черникова. На большом листе был напечатан портрет кандидата и тезисы его избирательной программы. В ней кандидат в мэры Черников обещал трансформировать сложившуюся бюрократическую машину, повернуть ее лицом к людям, чтобы она начала обслуживать горожан, а

не саму себя. Главную цель кандидат в мэры видел... я пробежал глазами текст, «...в том числе переизбрать городскую думу, участвовать в решении вопросов ЖКХ и формировании тарифов. На районном уровне ликвидировать двоевластие, упразднить управы и передать полномочия муниципалитетам... Борьба с коррупцией... с нелегальной миграцией... Приоритетами нового генплана должны стать социальное жилье, ограничение плотности и высотности застройки, ограничение коммерческого жилья, развитие открытых пространств, сохранение зеленых зон и исторического центра...»

Ну, что можно сказать? Хорошие цели и задачи ставит перед собой кандидат в мэры, только выполнит ли их Черников, если станет нашим градоначальником? Время, как говорится, покажет. Рассмотреть портрет кандидата в мэры я не успел...

Черный, блестящий лаком «Мерседес» представительского класса, уж не знаю, каким образом миновал столбики, преграждающие въезд на площадку перед Домом культуры, все же въехал сюда и остановился у крыльца. Из автомобиля вышел тот самый мужчина, изображенный на листовке за моей спиной. Ему было лет шестьдесят — среднего роста, седовласый, с острым взглядом, крючковатым носом, жесткими складками у рта и заостренным подбородком, он производил

впечатление волевого и решительного человека. Возможно, такой мэр и нужен нашему городу. Одет безукоризненно, демократично, без официоза — в светлые туфли, светлые брюки, белую рубашку с коротким рукавом, без галстука. В сопровождении молодого человека и еще пары мужчин из свиты, шедших сзади, он стал подниматься по ступенькам крыльца к входу в здание. Когда поравнялся со мной, из стеклянных дверей вышел директор Дома культуры «Прогресс» Лоскутов Георгий Семенович, с которым я познакомился вчера во время посещения ДК. Большой, похожий на добродушного плюшевого медведя, Лоскутов, очевидно, ожидал высокого гостя в фойе... Он широко улыбался, выражая всем своим видом радушие, но гостя встречал почтительно, соблюдая дистанцию, это выражалось в том, что не лез с рукопожатиями, а остановился и стал дожидаться, когда кандидат в мэры сам протянет ему руку.

— Добрый день, Георгий Семенович!

— День добрый, Сергей Александрович! — поприветствовали друг друга мужчины и обменялись рукопожатиями.

Лоскутов пожал руки и свите высокого гостя, а затем предложил:

— Проходите, пожалуйста, Сергей Александрович, для вашей встречи с избирателями все уже готово.

— Спасибо, — солидным баском поблагодарил префект и, слегка похлопав директора Дома культуры по плечу, подтолкнул его вперед к двери, показывая таким образом, что все-таки он здесь хозяин и должен входить в двери первым.

Вся процессия втянулась в фойе и направилась влево к коридору, ведущему в служебные помещения. Очевидно, уже оттуда кандидат в мэры должен будет выйти для своего выступления и общения с избирателями на сцену.

Я потоптался еще немного у входа, дожидаясь, когда в двери втянутся опоздавшие избиратели, и вошел следом, однако двинулся не как они, в зал, а остановился у ресепшен. Сегодня, как и говорила Аверьянова, дежурил другой охранник — маленький, белобрысый, остроносый, нагловатого вида. Я подошел к стоявшему за стойкой мужчине.

— День добрый!

— Здравствуйте! — ответил он с безучастным выражением лица, с каким, видимо, привык встречать и провожать незнакомых людей, вереницей проходящих мимо него за рабочий день.

— Если вы на встречу с кандидатом в мэры Черниковым Сергеем Александровичем, то вам в зал, проходите, пожалуйста.

Я положил руки на стойку и тоном своего в

доску парня сказал:

— Да нет, Костя, я к тебе. Меня Игорем зовут. Екатерина Аверьянова попросила меня выяснить кое-что насчет смерти ее мужа. Она разве не говорила, что я хочу побеседовать с тобой?

По лицу Константина промелькнуло испуганное выражение, и это не укрылось от моего взгляда. Однако он быстро взял себя в руки и безразличным тоном ответил:

— Говорила, но чем вам помочь? Мы с Катей вместе обнаружили труп, и сказать что-то новое я не могу.

— И все-таки, — мягко и в то же время требовательно произнес я, — если не трудно, расскажи, что же произошло в тот день, когда умер Арсений Аверьянов.

Видимо, разговор о покойном был неприятен охраннику, однако он хоть и неохотно, но начал говорить:

— Катя позвонила мне вечером, сказала, что беспокоится из-за долгого отсутствия мужа. Я сходил к фотостудии, дверь была закрыта, и я сказал Кате, что Арсений ушел, но когда именно, не видел, скорее всего в тот момент, когда я отлучался на пару минут в туалет мыть руки. Через некоторое время фотографичка сама приехала. Вместе с нею пошел в фотостудию, там, на полу, мы нашли мертвого Арсения и вызвали полицию. Вот,

пожалуй, и все, что могу вам сообщить... А что, собственно говоря, происходит? — хоть и слабо, но все-таки Константин проявил любопытство. — Почему вы интересуетесь смертью фотографа? Разве он умер не от сердечной недостаточности?

Я решил не говорить охраннику правды о том, что Арсения отравили, чтобы не вызывать вокруг его смерти раньше времени ажиотаж, который может негативно отразиться на дальнейшем ходе моего частного расследования.

— От сердечной недостаточности он умер, Костя, от нее, — заверил я, всем своим видом выражая несостоятельность возникших у охранника подозрений относительно насильственной смерти Арсения. — Но женщины, сам понимаешь, им свойственна излишняя подозрительность, вот Екатерина и хочет знать, не было ли криминала, потому я и расследую это дело для успокоения ее души и души ее покойного супруга.

— Да-да, — с растерянным видом сказал охранник, теряя к разговору интерес. — Я понимаю...

Однако у меня имелось к Константину еще несколько вопросов.

— Скажи, Костя, — я сменил дружеский тон на задумчивый. — В последнее время ничего подозрительного за Арсением не замечали?

Глаза охранника забегали.

— Нет, все как обычно.

— А в день смерти Арсения кто к нему приходил? — В этот момент из-за угла, за которым находились двери в фотостудию, вышел Дима, тот самый, что занял в фотосалоне место Арсения. Парень выглядел в свойственной ему манере: одет в черные джинсы в обтяжку, в полосатую, сильно приталенную рубашку; обут в кроссовки; чубчик намажен гелем, торчит как приклеенный, в носу, губе и ухе болтаются по серьге. Он окинул меня подозрительным взглядом и не поздоровался, возможно, не узнал, а возможно, сделал вид, что не узнал. Дима пересек фойе и скрылся за углом, за которым располагался офис фотосалона.

— Кто приходил к Арсению? — пожал плечами охранник, провожая парня взглядом. — Как обычно — клиенты.

— Хорошо, — я был сегодня на удивление покладистым. — Поставим вопрос по-другому: кто последним из клиентов был у Арсения в студии в тот день?

— Понятия не имею, — буркнул Константин. — Я не вел учет клиентов фотографа.

И бегающий взгляд, и желание поскорее избавиться от меня, и волнение, и испуг — все говорило о том, что охранник что-то знает и очень хочет скрыть от меня. Интересно, что? Попробуем выяснить необходимые мне сведения действенным

и проверенным методом. Нет, конечно, не с помощью кулаков, здесь слишком людное место, чтобы руки распускать, живо загребут. Есть иной, более гуманный и приятный способ. Я покопался в своей сумке и извлек из нее несколько тысяч, отсчитал три купюры и положил на стол.

— А так, может быть, вспомнишь, кто приходил к Арсению в день его смерти?

Охранник посмотрел на деньги с любопытством, но со стойки их не взял. Я присовокупил к лежащим купюрам еще одну тысячу, в глазах охранника вспыхнул алчный огонек, однако он по-прежнему к деньгам не притронулся. Ладно, была не была, деньги все равно не мои — я эту сумму включу в стоимость расходов Аверьяновой, и положил на стойку пятую тысячу. Однако же аппетиты у охранника! Этот наглец по-прежнему не забирал деньги и нахально смотрел на меня, ожидая прибавки. Шиш тебе! Я, ни слова не говоря, забрал одну тысячу с ресепшена, взгляд охранника потускнел, но он все еще, проявляя стойкость, не прикасался к деньгам. Я взял еще одну купюру, Константин сглотнул, и, когда моя рука в третий раз потянулась к стойке, он не выдержал.

— Хорошо, пять тысяч! — сказал он хрипло.

— Договорились! — усмехнулся я, поздравил себя в душе с удачно проведенным торгом и вновь

вернул на стойку две купюры.

Охранник тут же смахнул их и, неизвестно кого опасаясь — в холле было пустынно, — вполголоса, неторопливо, заговорил:

— В общем, у Арсения подруга имелась, Вика Леоневская. Она иной раз приходила к Арсению, когда Кати в фотосалоне не было, и они вдвоем запирались в фотостудии. В тот день она тоже забегала. Едва Катя ушла домой, как эта девица притащилась и сразу же заперлась с Арсением в студии. Когда она ушла, я не видел, разносил по просьбе директора воду в бутылках и расставлял по кулерам. Это одна из моих дополнительных обязанностей, за которую приплачивают к зарплате.

Чем больше говорил охранник, тем больше я испытывал уверенность в том, что попал на верный след.

— Догадывалась ли об измене мужа Катя? — быстро спросил я.

— Нет, конечно, — хмыкнул охранник и оглянулся, очевидно, опасаясь, что из-за угла может появиться Аверьянова. — Она ни о чем не догадывалась, и Арсений меня просил не говорить его жене о частых посещениях Вики во время отсутствия Кати.

Интересные подробности открываются из жизни покойного супруга Аверьяновой.

— Полицейским о посещении Вики ты

сказал? — спросил я, пытливо взглянув на собеседника.

Тот, не выдержав моего взгляда, отвел глаза и резонно ответил:

— А зачем? Полицейские этим вопросом не интересовались, это во-первых, во-вторых, вскоре было объявлено официальное заключение о том, что Арсений умер от сердечной недостаточности. Так зачем же подставлять Вику, ее бы потом затаскали. А в-третьих, мне не хотелось, чтобы все узнали о шашнях Арсения с Викой, и особенно его жена Катя.

— Логично, — вынужден был признать я правильность поступка охранника, но не его правомерность, относительно закона. — А как найти эту Вику Леоневскую, подсказать можешь?

В холл с улицы заскочил припозднившийся, запыхавшийся избиратель. Охранник дождался, когда он пройдет мимо нас, и ответил:

— Я не знаю, где живет Вика, но она близкая подруга Аверьяновой. Это еще одна причина, по которой я не хотел говорить о связи подруги Кати с ее мужем. Только вы в разговоре с фотографичкой не ссылайтесь на меня. И лучше, если бы вы вообще забыли о нашей беседе, потому что официально я нигде и ничего подтверждать не буду.

«Без денег, значит, не хотел расстраивать

Катю, — подумал я. — А за деньги тайну ее супруга выдавать можно». Но вслух этого не сказал, а пообещал:

— Хорошо, Костя, не скажу. И если можно, последний вопрос: видеонаблюдение у вас работает?

— Да какое там видеонаблюдение, — пренебрежительно ответил охранник, поняв, к чему я завел этот разговор. — Так, название одно. Камеры плохие, запись мутная, да и вход в фотостудию не просматривается. — Не зря охранник поглядывал назад, опасаясь, что внезапно может появиться Аверьянова. Так и случилось — молодая женщина, одетая в черную мини-юбку и бежевую блузку, неожиданно выпорхнула из-за угла и быстро приблизилась к ресепшену. К счастью, разговор с охранником мы уже закончили.

— Здравствуйте, Игорь Степанович! — зашебетала она, морща свой несколько утолщенный в переносице нос. — Что же вы пришли к нам в «Прогресс», а ко мне не заглянули?

По всей вероятности, о моем приходе Аверьяновой сказал Дима, и она, не дождавшись меня в офисе, вышла в холл.

— Здравствуйте, Екатерина! — я сделал легкий поклон. — Вот не дошел еще до вас, остановился с Константином поболтать.

— Ну, все, разговор окончили? — молодая

женщина поочередно посмотрела то на меня, то на охранника.

— Да, поговорили, — признался я.

— Ну, тогда пойдете ко мне, Игорь Степанович! — радушно улыбаясь, предложила Екатерина и сделала приглашающий жест, очень похожий на тот, каким в стародавние времена встречали дорогих гостей — кланяясь и проводя рукою впереди себя.

— Зовите меня Игорем, — предложил я, махнув на прощание рукой охраннику, и, повинувшись жесту Аверьяновой, двинулся в сторону фотостудии.

— Тогда и вы зовите меня просто Катей, — в свою очередь предложила молодая женщина, пристраиваясь рядом со мной.

Мы завернули за угол, и Екатерина толкнула дверь офиса. Я пропустил ее первой и вошел следом. Сидевший в ленивой позе в кресле за журнальным столиком Дима при нашем появлении отставил в сторону чашку с кофе, который пил, и встал. Очевидно, Аверьянова подала своему новому компаньону знак «выйти», не замеченный мною, потому что он, пробормотав «Здравствуйте», бочком протиснулся мимо нас и выскользнул в двери.

— Проходите, Игорь, садитесь, — предложила хозяйка фотосалона.

Я сел за журнальный столик в одно из кресел, Катя устроилась в соседнем кресле, закинув одну стройную ножку на другую, не менее стройную, но тут же вскочила:

— Чай? Кофе? — предложила она тоном официантки, обслуживающей состоятельного клиента.

— Нет-нет, спасибо, — ответил я категорично. — Надо дела делать, а не кофе пить.

— Ну, хорошо, — Аверьянова вновь плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу. — Узнали что-нибудь интересное? — поинтересовалась она, глядя преданными глазами.

Я снисходительно улыбнулся:

— Не так все просто, Катя. Розыск — дело кропотливое, тем более это не основная моя работа. Я только недавно закончил занятия в спортивной школе и вот сразу приехал к вам.

— А охранник что говорит? — Аверьянова поерзала, устраиваясь удобнее в кресле, очевидно, рассчитывая услышать интересную историю, но я был вынужден ее огорчить.

— То же самое, что и вы: открыл дверь в фотостудию и увидел мертвого Арсения.

— Понятно, — разочарованно протянула Аверьянова. — Могу чем-нибудь помочь?

Ну, вот, я не знал, как приступить к интересующей меня теме, а Катя сама предлагает

помощь.

— Меня интересуют ваши подруги, — сказал я, одной рукой облакачиваясь на подлокотник кресла, а другой потирая плечо — потянул я его сегодня во время тренировки, и оно побаливало.

Не думал, что столь простая фраза может вызвать у собеседницы столь бурную реакцию. Ее брови подскочили, глаза расширились...

— Подруги?! — переспросила молодая женщина так, будто я спросил о чем-то неприличном.

— Да, подруги, — подтвердил я тоном, каким передразнивают идиотов, но тут же одернул себя: ну, что поделаешь, если у дамочки такая манера общаться и все эмоции у нее написаны на лице, как у малого ребенка, еще не научившегося их скрывать.

— Но позвольте, Игорь, какое отношение мои подруги имеют к смерти моего супруга?

Самое прямое, во всяком случае, одна из них, — хотел было я сказать, но сдержался — не станешь же вот так с ходу, не разобравшись в деталях, выдавать тайну покойного Арсения. Может быть, Вика еще ни в чем не виновата, так что пусть Аверьянова находится пока в неведении относительно шашней своего супруга. Зачем очернять память мужа?

— Катя, давайте я буду решать, что имеет

отношение к делу, а что нет, — сказал я мягко, но настойчиво. — А то если буду по каждому вопросу отчитываться перед вами, никогда не закончу расследование, касающееся смерти вашего супруга.

Красивое личико Аверьяновой вдруг залила краска.

— Да-да, конечно, вы правы, извините, — пробормотала молодая женщина. — Вас интересует какая-то моя конкретная подруга или все?

— Самые близкие, — сказал я, надеясь, что Виктория Леоневская входит в число близких подруг Аверьяновой и я сумею узнать о ней кое-какие сведения.

— Ну, хорошо, — Екатерина сплела пальцы рук и охватила ими приятной округлости коленку. — У меня есть три близкие подруги: Люба Чайкина, Марина Лисицкая и Вика Леоневская.

— Хорошо! — воскликнул я, стараясь несильно выражать радость по поводу того, что не ошибся в своих прогнозах и моя собеседница назвала среди лучших подруг Вику. — Назовите, пожалуйста, их род занятий, телефоны, где они живут и место работы.

Аверьянова склонила голову набок, изумленно посмотрела на меня, мол, для чего это нужно, однако по поводу моего вопроса ничего не сказала и безропотно дала краткую характеристику своих подруг, место их работы, телефоны и адреса.

Любовь Чайкина работала продавщицей в магазине, жила на другом конце города, Марина Лисицкая работала бухгалтером, жила и работала ближе к центру города, а вот Виктория Леоневская жила неподалеку от дома, трудилась парикмахером в салоне красоты «Эммануэль», расположенном поблизости, на улице Вишневой. Я добросовестно записал все данные в блокнот и поднялся.

— Все, Катя, спасибо за информацию, я пойду по делам, — хотел было откланяться я, но Аверьянова, зачем-то потрогав на затылке пучок волос, озадаченно проговорила:

— Послушайте, Игорь, а как же вы работаете без гонорара?

Действительно, что-то я маху дал. Тоже невольно пощупал затылок.

— Ах да, я совсем забыл о деньгах. Дайте мне для начала тысяч десять, а дальше посмотрим, какова окажется общая сумма гонорара. Обещаю вам, что она будет невысокой, тысячи по три в день за расследование, ну и плюс необходимые в ходе сыска расходы, которые придется оплачивать вам.

— Ну, хорошо, — без каких-либо возражений произнесла Екатерина, поднялась и быстро подошла к своему рабочему столу. Она достала из ящика тонкую пачку денег, отсчитала несколько купюр и отдала мне. Затем взяла из стопки визитных карточек, лежащих на столе, один

бумажный прямоугольник и протянула. — Вот мой мобильный телефон, Игорь, если понадобится, звоните.

— Разумеется, — проговорил я, продиктовал Аверьяновой свой номер мобильного и, наконец-то откланявшись, вышел из дверей офиса фотосалона.

Глава 5. Вика

Покинув Дом культуры, я сел в свой автомобиль и позвонил в салон красоты «Эммануэль». Трубку взяла администратор. К счастью, Вика работала, и стригла она как мужчин, так и женщин. «К счастью, работала», потому что если бы Леоневская находилась дома, то в своей квартире она вряд ли бы приняла незнакомого мужчину. А на рабочем месте я смогу с ней поговорить на интересующую тему. Администратор записала меня к Вике на шесть часов, я поблагодарил женщину и отключил телефонную связь. До приема у парикмахера оставалось еще сорок минут — их, если повезет с пробками, вполне хватит, чтобы успеть вовремя.

С пробками мне повезло, не попал ни в одну и уже двадцать минут спустя ехал по улице Вишневой, зеленой, тенистой, прохладной. Я вынырнул из плотного потока машин, свернул на боковую улочку в глубь квартала и на пригорке, на

крохотной стоянке, втиснул свою машину в узкое пространство между двумя автомобилями. Приоткрыв дверцу, с трудом, но все же сумел протиснуться в образовавшееся пространство наружу. Захлопнув дверцу, обошел несколько «благоухающих» мусорных контейнеров и приблизился к дому, где располагался салон красоты «Эммануэль».

Заведение, в котором работала подруга Аверьяновой, лепилось к торцу девятиэтажки и относилось к разряду элитных, это было сразу видно по оформлению — витрины в красно-белом цвете, с потолка свисают какие-то большущие, опять-таки красно-белые, серпантины, несколько голов манекенов с различными прическами, красно-белые гладиолусы. И в холле салона, куда я вошел, тоже было гламурненько — красные диваны, белые стены, красные рамки зеркал и портретов манекенщиц и манекенщиков, демонстрирующих различные прически; двухуровневый и двухцветный потолок — наружный уровень белый, внутренний, само собой, красный, освещенный мягкой подсветкой; стеклянные журнальные столики; телевизор на стене.

В холле находилось несколько дам, кто-то просматривал глянцевые журналы, кто-то, ожидая очереди, пялился в планшетник, в телевизор, а

кто-то просто так сидел с задумчивым видом. Одни ждали очереди к мастеру на первичный прием, а кто-то уже у него побывал и теперь с целлофановой шапочкой на голове сидел в холле, очевидно дожидаясь, когда волосы обесцветятся либо, наоборот, окрасятся в определенный цвет. Почувствовал я себя в обществе шикарных дамочек не очень уютно...

Зря, наверное, сюда притащился, и, тем не менее, придется побыть в шкуре модника ради встречи с Викой Леоневской. Я вздохнул и, найдя свободное местечко, уселся с видом скромника. К моей радости, томиться пришлось недолго. Несколько минут спустя из-за полупрозрачной, составленной из красно-белых ниток ширмы, прикрывающей вход во внутренние помещения салона красоты, вышла полноватая, уже немолодая женщина в юбке и рубашке и пригласила меня следовать за нею. Я тотчас поднялся и с радостью быстро двинулся за женщиной, желая поскорее избавиться от общества шикарных дамочек, в котором выглядел белой вороной.

Мы прошли за ширму и очутились в просторном зале, разделенном на кабинки перегородками. И здесь преобладал красный цвет. Стол же парикмахера был белым, так же как и стены. На самом деле Эммануэль занималась сексом в такой вот красно-белой обстановке или это

фантазии дизайнеров?

Женщина подвела меня к крайней кабинке, усадила в кресло и ушла. Я с облегчением вздохнул. Значит, эта женщина — не Вика Леоневская, потому что если бы ею была она, то я очень бы удивился вкусу покойного Арсения Аверьянова. Но вот из боковой подсобной комнатки вышла и направилась ко мне настоящая красотка... Давненько мне не доводилось видеть таких аппетитных форм, хотя, честно говоря, не поклонник шибко выдающихся женских прелестей. Нет, у Вики эти части тела были не особо большими, в меру выпуклыми, и вся она была такая томная, длинноногая и будто дышащая сексом, что запросто могла сыграть в фильме «Эммануэль» главную роль. На ней был кружевной белый передничек, надетый на ультракороткую юбку и белую блузку — фирменную одежду служащих данного салона красоты — что добавляло ей сексапильности. Лицо у молодой женщины было под стать ее фигуре — милое, невинное, с чувственными, накачанными ботексом губами, большими удивленными глазами, вздернутым носиком. Добавляла шарма и прическа — темные волосы, постриженные под нечто среднее между «каре» и «сессон». Молодая женщина подошла и обволакивающим, приятным голосом проговорила:

— Здравствуйте! Как вас постричь?